DOI: 10.17976/jpps/2015.04.04

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ В РОССИЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

С.П. Поцелуев

ПОЦЕЛУЕВ Сергей Петрович, доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета. Для связи с автором: spotselu@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 27.03.2015. Принята к публикации: 20.04.2015

Аннотация. Статья посвящена символическим партиям как феномену сегментированных (фрагментированных) политических культур. На материале немецкой политической истории автор рассматривает различные аспекты данного феномена, проводя параллели с постсоветской Россией. Символические партии понимаются как коалиции вокруг значимых политических символов, выражающих различные сегменты (фрагменты) политической культуры. Социальную основу символических партий автор, вслед за немецким социологом М.Р. Лепсиусом, характеризует как "социоморальную среду", под которой понимает сложное социокультурное образование, которое отличается от других сред (субкультур) по символам, выражающим специфические моральные фреймы политических идеологий. В сегментированной и фрагментированной политической культуре социоморальные среды характеризуются "лагерным менталитетом" и склонностью к "социальной сецессии". В условиях глубокого социально-политического кризиса символические партии радикализируются и становятся выражением не столько политически диффузных социокультурных сред, сколько *гражданской войны политических символов*. В статье указываются типичные характеристики этой войны: "одичание" публичного политического дискурса, бестиализация политических противников, социальный милитаризм, отсутствие монополии на легитимное применение символического насилия и др.; рассматриваются социоморальные среды как субкультурный базис символических партий кайзеровской Германии, а также предлагается сравнительная классификация символических партий в условиях Веймарской республики и современной России. В частности, в Веймарской Германии выделяются такие символические партии, как *демократы-республиканцы, имперцы-монархисты, "коммунисты-интернационалисты" и "национал-социалисты*". В современной России идентифицируются, как минимум, три основные символические партии: *демократы-западники, имперские националисты, коммунисты-националисты.* Между Веймарской Германией и современной Россией просматривается существенное сходство не только в наборе символических партий, но также в тенденции их взаимодействия: в переходе идеологической власти от символической партии "демократов" к символической партии "имперцев" в рамках одного и того же конституционного порядка. Вместе с тем, в отличие от идеологической ситуации в Веймарской Германии, в постсоветской России формируется ограниченный гражданско-патриотический консенсус. Укрепление этого консенсуса предполагает нейтрализацию рисков авторитарно-тоталитарной унификации отечественной политической культуры. В качестве альтернативы этому в статье обсуждается опыт "символического уравновешивания" идеологических крайностей "левого" и "правого" в демократических странах. Рассматривается идея "коллективной", или "диалектической" демократии (Э. Френкель), предполагающая дееспособный парламентаризм и взаимодействие политических субкультур на плюралистической основе.

Ключевые слова: символические партии; фрагментированная политическая культура; социоморальные среды; политические субкультуры; холодная гражданская война; гражданская война символов; национально-символический консенсус; диалектическая демократия.

Цель данной статьи заключается в экспозиции ряда идей немецких (по преимуществу) авторов на тему, которая непосредственно затрагивает и наши российские реалии. Речь идет о таком специфическом явлении политической культуры, как *символические партии*.

СОЦИОМОРАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ЭЛЕМЕНТ СЕГМЕНТИРОВАННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хотя термин "символические партии" в отечественной науке, насколько нам известно, не используется, в литературе можно встретить семантически родственные ему выражения, отражающие несущественную роль партий в отечественном политическом процессе. Для нас же, напротив, символическая партийность образуется вокруг значимых политических символов, выражающих различные сегменты политической культуры. Однако символические партии становятся релевантным фактором политики не в любой, а только в *сегментированной* и – особенно – *фрагментированной* политической культуре.

С опорой на работы ряда зарубежных и отечественных авторов мы различаем, по меньшей мере, четыре типа политической культуры – в зависимости от способа взаимодействия ее составных частей: 1) *монистическая* политическая культура, части которой не обнаруживают особых идентичностей, а потому не вступают между собой в диалектическое взаимодействие, тем более конфликт; 2) *сегментированная* политическая культура, состоящая из сегментов как субкультур, обладающих собственной идентичностью, но связанных отношением к доминирующему сегменту; 3) *фрагментированная* политическая культура, состоящая из конфликтующих друг с другом политических субкультур в отсутствие доминирующего сегмента, а потому не способных образовывать минимальный символический консенсус; 4) *плюралистическая* политическая культура, части которой, сохраняя свою идентичность, находятся в диалогическом взаимодействии, образуя культурную идентичность полиархий (в смысле Р. Даля).

По мнению немецкого политолога Ш. Кайлитца, главным отличительным признаком именно фрагментированной политической культуры является не столько сосуществование в обществе разных политических субкультур, сколько то, что ни одной из них не удается достичь гегемонии [Kailitz 2008: 22]. Так, традиционно связывая Веймарскую Германию с типом фрагментированной политической культуры, Кайлитц относит ФРГ (как и другие стабильные западные демократии) к странам с "доминирующей" политической культурой, а именно субкультурой демократии. Но пример политической культуры с наличием доминирующего сегмента дает и кайзеровская Германия. Доминирующим, по словам немецких историков Д. Ленерта и К. Мегерле, здесь было имперское мышление прусско-протестантского, национально-консервативного типа с ярко выраженными верноподданническо-милитаристскими чертами. Впрочем, как замечают немецкие ученые, под крышей этого "властного картеля" находилось большинство избирателей,

разделенных частичными политическими культурами (субкультурами[1]), не способными к диалогу друг с другом [Lehnert, Megerle 1987: 83]. Но если во Втором германском рейхе доминантный властный картель придавал политической системе относительную стабильность, то в Веймарской республике такой стабилизирующий фрейм отсутствовал, и не возникало никакой жизнеспособной кооперации даже между готовыми к этому частичными политическими культурами.

Но что является социальным субстратом символических партий в условиях сегментированной политической культуры? Почему вообще есть смысл говорить в данном случае о "партиях", подразумевая их относительно стабильный, институционализированный характер?

Социальную основу символических партий можно, вслед за немецким социологом М.Р. Лепсиусом, охарактеризовать в терминах "диффузной дополитической структуризации среды" [Lepsius 1966: 389]. Другими словами, идентичность символических партий подпитывает то, что в научной литературе получило название "социоморальной", или "социокультурной" среды.

По словам М.Р. Лепсиуса, "социоморальная среда" есть обозначение социального единства, образующегося посредством совпадения сразу нескольких структурных измерений – религиозной принадлежности, региональных традиций, хозяйственного положения, культурных ориентаций и т.д. [ibid.: 383]. Социоморальная среда есть, стало быть, сложное социокультурное образование, которое отграничивает себя от других сред (субкультур) не столько по партийным билетам, сколько по символам, выражающим специфические моральные фреймы политических идеологий. Речь идет об определенных моральных максимах, не обязательно доктринально выраженных, которые объединяют носителей данной социокультурной среды. На примере кайзеровской Германии Лепсиус пишет, к примеру, о "моральных границах" [ibid.: 388] между буржуазно-конфессиональными сообществами единомышленников и рабочим движением, которое этими сообществами отторгалось как нечто нравственно чуждое, а не просто как политический соперник.

С другой стороны, образовавшаяся в Германии 60-х – 70-х годов XIX в. социокультурная среда рабочих тоже представляла собой не только "рабочий электорат", но политическую субкультуру. Это делало понятие "рабочей солидарности" не просто политическим концептом, но "моральной максимой, возвышающейся над всеми политическими решениями" рабочих партий [ibid.: 389]. Это подразумевало, что "фактически люди стремились общаться только со своим окружением: дети посещали по возможности собственные школы, читались только свои книги и праздновались только свои праздники. Даже торговые дома выстраивались по партийно-политическому принципу, а брачные стратегии тоже ограничивались по возможности политически родственным кругом людей" [Hanisch 1990: 44]. Немецкие ученые О. Негт и А. Клюге метко назвали эту практику "социальной сецессией" [Negt, Kluge 1972: 353].

Таким образом, социоморальные среды, обустроенные как крепости (военные лагеря), склонные к самоизоляции от остального общества, образуют закономерные проявления сегментированной политической культуры. В этих

[1] Здесь и далее выражения "частичная политическая культура", "политическая субкультура", "социокультурная среда", "социоморальная среда" мы употребляем как синонимы.

условиях моральное фреймирование партийно-политических идеологий основывается на догматизации внутренней морали каждой социокультурной среды как сегмента политической культуры. И когда партийная система в тенденции привязывается к определенным социоморальным средам, она неизбежно приобретает символизированный (ритуализированный) характер. Как раз такой случай описывает Лепсиус на примере партийной системы кайзеровской Германии. Эта система, будучи стабильной на протяжении многих десятилетий, потерпела крушение только в период мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. Причем главной причиной этого крушения стал не сам кризис, а сегментированный характер германской политической культуры, когда основные германские партии служили "политическими комитетами действия... социоморальных сред" [Lepsius 1966: 381-382].

Из проведенного немецким социологом анализа вытекает, во-первых, что политическая система в условиях сегментированной политической культуры приводит к возникновению символических идентификаций, выражающих моральные фреймы отдельных политических субкультур; во-вторых, символические партии как эффект этих идентификаций есть манифестация не столько обычных политических партий, сколько социоморальных сред, на которых эти партии фиксированы; в-третьих, если эти среды начинают интенсивно разрушаться в условиях серьезного социально-экономического кризиса, тогда вслед за этим обрушивается и вся партийная система, что придает системе символических партий особую роль в кризисном социуме.

К этому можно добавить тезис о том, что в условиях глубокого и продолжительного социально-политического кризиса существенно меняется способ формирования символических партий. Теперь эти партии являются выражением не столько упомянутой диффузной дополитической структуризации социокультурных сред, сколько *гражданской войны символов*. В условиях кризиса традиционные социокультурные среды рушатся, а новые только формируются. И тогда возникает ситуация, когда одни политические субкультуры охватывают граждан, организованных традиционными партийными структурами, другие относятся к людям хотя и политизированным, но беспартийным, а третьи выражают позицию электората, для которого политические темы пока что не являются столь важными, как вопросы профессиональные, хозяйственные и др., но в тенденции неизбежно таковыми становятся.

Прогрессирующая (в эпохи кризисов) неоднородность факторов социокультурной среды требует, по-видимому, конкретизации известного определения политической культуры как "ансамбля базисных убеждений (*beliefs*), ценностей (*values*) и ориентаций (*attitudes*) социальных групп относительно роли политического порядка, политической системы во взаимодействиях групп, как между собой, так и со всем обществом" [Patrick 1984: 279]. В кризисные эпохи меняется сама конфигурация (соотношение) упомянутых элементов политической культуры. Важным становится ее динамический элемент, который, помимо ориентаций (установок), выражается в ситуативно складывающихся и символически опосредованных моделях (паттернах) поведения.

В свое время У. Липпман, описывая структуру общественного мнения в условиях войн и революций первой четверти прошлого века, определял человеческую культуру как отбор, реорганизацию и отслеживание мыслительных паттернов [Липпман 2004: 38]. Кризис делает политически целесообразным

и разумным манипулирование массами при помощи символов, что ведет к усилению роли символических партий. Липпман по сути имел в виду именно это, когда говорил о складывании "коалиции вокруг какого-то символа" как условии достижения "эмоционального сплава конфликтующих группировок" [там же: 204], которые при обсуждении несимволических, предметных вопросов начинают неизбежно враждовать друг с другом.

Итак, общая тенденция трансформации социоморальных сред в период социально-политического кризиса состоит в их упрощающей гомогенизации, когда феномен символических партий выходит на передний план. Это не значит, что система символических партий тем самым упраздняет роль обычных партийных систем, но она как бы накладывается на них, усложняя общий процесс политического общения.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ "ХОЛОДНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ": СЛУЧАЙ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Символические партии идентифицируются, скорее, по флагам на праздниках, чем по идеологическим этикеткам в политических программах. Последние могут противоречить моральным интенциям символических партий, причем такое противоречие может присутствовать в сознании одного и того же гражданина. В эпоху кризисной ломки привычного политического ландшафта такая ситуация отнюдь не редкость.

В Веймарской Германии можно выделить следующие символические партии.

Демократы-республиканцы. Эта партия символически выражала либерально-демократические, республиканские ценности и политическую ориентацию на Запад. Основной символ – черно-красно-золотой флаг как манифестация республиканско-демократических традиций в немецком национально-освободительном и национально-объединительном движении. Главный праздник – День конституции (11.08.1919). Однако этот праздник так и не смог утвердиться в Веймарской республике в качестве официального национального праздника, оставшись в символическом пространстве частичной политической культуры либерально-демократических, республиканских сил. Коммунисты считали его буржуазными мечтами о социальном мире, а правые – символом национального унижения Германии. Соответственно, и празднование Дня конституции было скромным, с почти незаметным использованием республиканского флага [Speitkamp 1994: 567].

Имперцы-монархисты. Эта партия была символическим выражением правоконсервативных, имперско-националистических идей и реваншистской политической программы. Основные символы – черно-бело-красный триколор как государственный флаг кайзеровской (имперской) Германии и как символ прусского милитаризма. Главный праздник – День основания Германской империи (18.01.1871). Этот праздник перестал быть официальным в Веймарской Германии, но становился все более популярным не только среди правых консерваторов – противников республиканского строя, но и в кругу представителей других политических субкультур [ibid.: 570]. Напротив, предложение веймарских либералов и социалистов сделать 9 ноября главным национальным праздником республики – Днем революции и падения империи – так и не было реализовано.

"Коммунисты-интернационалисты" как символическое выражение идейно-политической ориентации на СССР и Коминтерн. Основной символ – "просоветское" красное знамя с пятиконечной звездой, серпом и молотом. Главный праздник – 7 ноября как день Октябрьской социалистической революции, а также другие коммунистические праздники вроде Международного женского дня 8 марта, Дня международной солидарности трудящихся 1 Мая и др.

"Национал-социалисты" как символическое выражение расовой идеологии и политической программы национал-социализма. Основной символ – флаг NSDAP (красный с белым кругом и черной свастикой), выражающий продолжение и одновременно расовое переосмысление (радикализацию) имперских традиций кайзеровской Германии. Главные праздники – День основания нацистской партии (24.02.1920) и годовщина "пивного путча" 1923 г. (9 ноября). Примечательно, что при всей своей симпатии к германской имперской традиции нацисты не считали День основания Второй империи своим партийным (а после прихода к власти и государственным) праздником.

Несмотря на все попытки веймарских правительств выстроить общую национальную символику, – как заметил немецкий историк В. Шпайткамп, – "политическая дезинтеграция оказалась сильнее, чем интегрирующая сила общего государственного и республиканского сознания" [ibid.: 567].

Ситуация, в которой находились символические партии Веймарской республики, хорошо описывается в зарубежной научной литературе концептом "символической гражданской войны". У нас этот термин еще не прижился, зато применяется его метафорический синоним – "холодная гражданская война". Любопытно, что применительно к актуальным отечественным реалиям это выражение используется авторами самой разной идеологической направленности. При этом в роли негативных сил, раскручивающих спираль "холодной" гражданской войны в России (в отличие от "горячей" гражданской войны на Украине), каждый политический лагерь видит своих идейных противников. Правые консерваторы разоблачают либералов как "пятую колонну", которые якобы строят свое политическое будущее вокруг борьбы против российского государства. А либералы, в свою очередь, винят нынешнее консервативное правительство в доведении политического плюрализма до холодной гражданской войны в результате "крымской кампании".

Понятие "символической гражданской войны" развил немецкий политолог А. Дёрнер, позаимствовав сам лексикоконцепт (*symbolischer Bürgerkrieg*) из работы немецкого литературоведа Ю. Линка, посвященной партии "Республиканцы" ("*Die Republikaner*") в ФРГ. Линк называет "символической гражданской войной" состояние общественно-политического дискурса, характеризующееся дуальным ("лагерным") менталитетом. При этом "правый" и "левый" лагеря настолько резко противостоят друг другу, что война между ними представляется естественным и неизбежным состоянием [Link 1990: 6-7]. А. Дёрнер определяет гражданскую войну символов как ситуацию, при которой "борьба винтовками и кулаками сменяется борьбой понятиями и символами" [Dörner 1995: 295-296]. Для этого враждующие лагеря используют институализированные площадки политической коммуникации (медиа, парламентские трибуны и т.п.) [Link 1990: 7].

Резюмируя имеющийся в научной литературе анализ символической гражданской войны, отметим следующие важнейшие черты этого феномена:

• "Одичание" дискурса, выражающееся в отмене общих правил цивилизованной коммуникации между политическими противниками. Последние трактуются как смертельные враги, им самим, их мировоззрению отказывается в праве на существование. Имеет место принципиальная криминализация и бестиализация политических оппонентов, им приписывается преступная природа, несовместимая с человеческим достоинством.

• "Одичание" дискурса сопровождается милитаризацией общественного пространства. Возникает феномен "социального милитаризма" [Rosenhaft 1978: 239], накладывающего свой отпечаток не только на публичную политику, но и на повседневное общение граждан. В политическом дискурсе социальный милитаризм выражается в метафорах войны и насилия, а также в соответствующей визуальной эстетике.

• В модели символической гражданской войны центристская позиция, позиция "середины" воспринимается воюющими лагерями как бестолковое смешение "принципиальных" точек зрения, как "символическая зона компрометирующих компромиссов, даже предательства" [Link 1990: 7].

• В ситуации символической гражданской войны отсутствует какой-либо символический порядок государства, стоящий над воюющими партиями, в качестве признанного ими авторитета. А. Дёрнер – вслед за П. Бурдье [Бурдье 1993: 72] – называет эту ситуацию отсутствием монополии на легитимное применение символического насилия (символической власти) [Dörner 1995: 297].

Символическая гражданская война есть верный признак именно фрагментированной, а не просто сегментированной политической культуры. Это хорошо видно при сравнении Веймарской республики с бисмарковской и вильгельмовской Германией или даже с Первой Австрийской республикой. В Австрии тридцатых годов XIX в. политическая культура тоже была довольно жестко сегментирована, однако, в отличие от германской ситуации, минимальный символический консенсус (австрийский историк Э. Ханиш называет его "демократическо-республиканским базисным консенсусом" [Hanisch 1990: 44]) между австрийскими политическими силами все же присутствовал.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В современной России мы выделяем три основных символических партии, обнаруживающих существенное сходство и одновременно различие с системой символических партий в межвоенной Германии.

Демократы-западники как символическое выражение либерально-демократических, республиканских ценностей и политической ориентации на Запад. Основным символом этой партии можно считать "русский триколор" – бело-сине-красный флаг, придуманный Петром I для торгового флота России, а позднее ставший национальным и государственным флагом Российской империи и постсоветской Российской Федерации. Символическое значение имеет тот факт, что данный флаг был предложен царем-реформатором, "прорубившим окно в Европу". К тому же цвета петровского триколора вызывают ассоциации с французским и голландским триколором как символом антимонархических, буржуазных преобразований в Западной Европе.

Имперские националисты. Символическое выражение правоконсервативных, имперско-националистических идей и реваншистской политической програм-

мы. Главным символом этой партии можно считать черно-желто-белый флаг – гербовый флаг Российской империи, который до сих пор является официальным флагом Русского императорского дома. Сегодня символическая партия имперских националистов хорошо представлена "Русским маршем", весьма пестрым по своему партийному составу, но объединенным имперским флагом как основным символом. Примечательно, что этот же флаг был предложен в качестве одного из государственных символов в квазигосударстве "Новороссия".

Коммунисты-националисты как символическое выражение идейно-политической ориентации на "великую державу" – СССР – и "великий русский народ" с "органически" присущим ему социалистическим мировидением. Основным символом является красное полотнище, представленное в виде советского государственного флага либо флага КПРФ, иногда украшенное какими-то левыми революционными символами (портретом Че Гевары, например). Но собственно революционные ассоциации с "борьбой пролетариата против классового угнетения" здесь ослаблены за счет акцента на русском национализме и российской (советской) великодержавной традиции.

Представленный перечень российских символических партий суть, разумеется, конструкция не только идеально-типическая, но и гипотетическая, нуждающаяся в серьезном обосновании посредством политического дискурс-анализа. Как может выглядеть такой анализ, отчасти показывает опыт уже имеющихся исследований политического Рунета. Так, в научном проекте, выполненном под руководством Э.А. Паина, идентифицируется несколько "идеологических лиц" российского интернет-пространства ("либеральное", "левое", "националистическое" и "провластное") как "устойчивых идеологических объединений, обладающих специфическим самосознанием и особым языком" [Паин 2014: 11]. Не менее интересным представляется исследование политического Рунета, предпринятое П.Л. Крупкиным, специалистом в области *IT*-проектов [Крупкин 2012]. Выделенные им группы "интернетовских борцов" ("западники", "советские", "имперцы", "охранители") также близки по описанию указанным выше символическим партиям постсоветской России. Важно при этом иметь в виду, что интернетовская площадка значима для выявления символических партий уже в силу своей дискурсивной специфики. По словам П.Л. Крупкина, "фактически люди участвуют в жарких спорах не для понимания позиции другой стороны и попыток сближения позиций в плане делиберативной выработки приемлемого консенсуса, а для уязвления 'противника', для гордого пронесения своего 'флага' как можно ближе к 'негодующим врагам'" [там же].

Между Веймарской Германией и постсоветской Россией просматривается существенное сходство не только в наборе символических партий, но и в тенденции их взаимодействия: в обоих случаях имеет место "крадущийся" переход идеологической власти от символической партии "демократов" к символической партии "имперцев" в рамках одного и того же конституционного порядка. Это своего рода "гибридная форма" захвата политической власти – через победу в идеологической конкуренции посредством символов. Но есть и одно важное различие. В отношении перспектив национального консенсуса идеологическая ситуация в современной России скорее ближе к положению в кайзеровской Германии или в Австрии между мировыми войнами, чем в Веймарской республике. В постсоветской России тоже имеется "властный картель", под

которым располагается электорат, разделенный на частичные политические культуры. И, в отличие от Веймарской Германии, в России формируется ограниченный национально-символический (патриотический) консенсус.

В частности, он выражается в рамках празднования Дня победы, который для большинства россиян имеет сокровенный смысл (по данным опроса Левада-Центра, он занимает место между собственным днем рождения и днем рождения близких)[2]. Свидетельством наличия в современной России символического консенсуса может служить и возникшая своеобразная кросс-партийная символическая группировка "имперцев", куда входят представители всех упомянутых выше символических партий. Эта символически выраженная (нео-)имперская идеология – вопреки небезосновательным опасениям части отечественных либералов – не обречена на вырождение в правый тоталитаризм; она может допускать элементы правового и социального государства в качестве "патерналистского дара" [Хабермас 1995: 229], идеологически "упакованного" в либерально-консервативные гибриды.

В любом случае, фрагментация политической культуры есть переходный феномен – как и общество, в котором она формируется. Судьба Веймарской Германии показывает одно из возможных направлений такого перехода – включение большинства фрагментов политической культуры в национал-социализм, ставший местом концентрации негативного консенсуса против Веймарской системы и одновременно – символом надежд на национальное единство [Lehnert, Megerle 1987: 85].

Д. Ленерт и Л. Мегерле задаются вопросом о том, что могло бы быть реальной альтернативой нацистскому варианту "собирания" фрагментов политической культуры? В качестве такой альтернативы Ю. Линк предлагает модель "символического уравновешивания" как "в тенденции непрерывное управление бинаризмом левого и правого на гибкой горизонтальной оси политического ландшафта" [Link 1990: 9]. Если в ситуации символической гражданской войны срединная (центристская) позиция трактуется как политически и морально слабая, то в модели "символического уравновешивания" политический центр, напротив, превращается в символическую точку гравитации в политике. При этом левые и правые крайности сдвигаются в сферу ненормального, приравниваясь к безумию, фанатизму, криминалу и т.п. [ibidem]. Нормальность середины в западных странах выражается в понятии "солидарности демократов". Но эта солидарность есть такая же символическая тотальность, как, например, и "патриотический консенсус" в современной России. Политические крайности здесь просто символически отсекаются, а не выступают равноправными участниками идеологического взаимодействия.

Альтернативы иного рода относятся к тому, что мы выше обозначили как плюралистический тип политической культуры. Немецкий политолог Э.Френкель связывал такие альтернативы с "коллективной" или "диалектической" демократией [Fraenkel 1991]. Этот концепт опирается на дееспособный парламентаризм и противопоставляется идеалу плебисцитарной фюрердемократии. "Диалектическая демократия" означает переход к взаимодействию политических субкультур на плюралистической основе, что ведет к ши-

[2] Какие из следующих праздников для Вас самые важные? 2011. – *Левада-Центр. Официальный сайт*. 08.09. Доступ: http://www.levada.ru/archive/prazdniki/kakie-iz-sleduyushchikh-prazdnikov-dlya-vas-samye-vazhnyeotvety-ranzhirovany (проверено: 15.04.2015).

рокомасштабному национальному диалогу, в том числе между ключевыми политическими символами.

Итак, социальную основу символических партий как феноменов фрагментированной политической культуры составляют социоморальные среды, образующие политические субкультуры, склонные к социальной сецессии и лагерному менталитету. В ситуации социального кризиса политические субкультуры переживают ломку, что ведет к упадку обычных партий, жестко на них фиксированных, зато к усилению роли партий символических, складывающихся в условиях "холодной гражданской войны" как войны политических символов. Сравнивая опыт такой войны в Веймарской Германии с аналогичным опытом постсоветской России, мы фиксируем как структурные сходства (наличие четко идентифицируемых символических партий, обнаруживающих идеологическое усиление националистического, имперского дискурса), так и различия (признаки символического национального консенсуса в современной России). Дальнейшее укрепление этого консенсуса предполагает ослабление фрагментации политической культуры, что может происходить либо на пути ее авторитарно-тоталитарной унификации, либо в системе диалектической демократии. Одним из первых шагов в сторону такой демократии является символическое уравновешивание политических крайностей и диалог национальных символов.

Бурдье П. 1993. *Социология политики*. М.: Socio-Logos. 336 с.

Крупкин П.Л. 2012. Практики культа предков в постсоветской России. – *Социология религии в обществе Позднего Модерна*. Белгород: ИД "Белгород". С. 166-172.

Липпман У. 2004. *Общественное мнение*. М.: Институт Фонда "Общественное мнение". 384 с.

Паин Э.А. 2014. Современный русский национализм в зеркале Рунета. – *Россия – не Украина: современные акценты национализма*. М.: Центр "Сова". С. 8-31.

Хабермас Ю. 1995. *Демократия. Разум. Нравственность*. М.: Academia. 256 с.

Dörner A. 1995. *Politischer Mythos und symbolische Politik: Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Hermannsmythos*. Opladen: Westdeutscher Verlag. 421 S.

Fraenkel E. 1991. *Deutschland und die westlichen Demokratien: Mit einem Nachw. über Leben u. Werk Ernst Fraenkels (Hrsg. A. Brünneck)*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 399 S.

Hanisch E. 1990. Das Fest in einer fragmentierten politischen Kultur: Der österreichische Staatsfeiertag während der Ersten Republik. – *Politische Teilkulturen zwischen Integration und Polarisierung. Zur politischen Kultur in der Weimarer Republik* (Hrsg. D. Lenert, K. Mergele). Opladen: Westdeutscher Verlag. S. 43-60.

Kailitz S. 2008. Die politische Deutungskultur der Bundesrepublik Deutschland im Spiegel des "Historikerstreits". – *Die Gegenwart der Vergangenheit. Der „Historikerstreit" und die deutsche Geschichtspolitik* (Hrsg. S. Kailitz). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. S. 14-37.

Lehnert D., Megerle K. 1987. Identitäts- und Konsensprobleme in einer fragmentierten Gesellschaft – Zur Politischen Kultur in der Weimarer Republik. – *Politische Kultur in Deutschland: Bilanz und Perspektiven der Forschung* (Hrsg. D. Berg-Schlosser, J. Schissler). Opladen: Westdeutscher Verlag. S. 80-97.

Lehnert D., Megerle K. 1990. Einleitung der Herausgeber. – *Politische Teilkulturen zwischen Integration und Polarisierung. Zur politischen Kultur in der Weimarer Republik* (Hrsg. D. Lenert, K. Mergele). Opladen: Westdeutscher Verlag. S. 8-18.

Lepsius M.R. 1966. Parteisystem und Sozialstruktur: zum Problem der Demokratisierung der deutschen Gesellschaft. – *Wirtschaft, Geschichte und Wirtschaftsgeschichte* (Hrsg. W. Abel u.a.). Stuttgart: Gustav Fischer Verlag. S. 371-393.

Link J. 1990. *Schönhuber in der Nationalelf: Halbrechts, rechtsaußen oder im Abseits? Die politische Kollektivsymbolik der Bundesrepublik und der Durchbruch der neorassistischen Schönhuber-Partei.* 2., aktualisierte Auflage. Duisburg: Duisburger Institut für Sprach- und Sozialforschung. 37 s.

Patrick G. 1984. Political Culture. – *Social Science Concepts. A Systematical Analysis* (ed. by G. Sartori). L.: Sage. P. 265-314.

Rosenhaft E. 1978. Gewalt in der Politik: Zum Problem des ‚Sozialen Militarismus' . – *Militär und Militarismus in der Weimarer Republik. Beiträge eines internationalen Symposiums an der Hochschule der Bundeswehr Hamburg am 5. und 6. Mai 1977* (Hrsg. K.-J. Müller, E. Opitz). Düsseldorf: Droste. S. 237-259.

Speitkamp W. 1994. 'Erziehung zur Nation'. Reichskunstwart, Kulturpolitik und Identitätsstiftung im Staat von Weimar. – *Nationales Bewußtsein und kollektive Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit 2.* (Hrsg. H. Berding). Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 541-580.

DOI: 10.17976/jpps/2015.04.04

SYMBOLIC PARTY AS CULTURAL AND POLITICAL PHENOMENON: GERMAN EXPERIENCE IN RUSSIAN PERSPECTIVE

S.P. Potseluyev[1]

[1]*Institute of Philosophy, Social and Political Sciences, Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russia*

POTSELUYEV Sergey Petrovich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy, Social and Political Sciences, Southern Federal University. Email: spotselu@mail.ru

Received: 27.03.2015. Accepted: 20.04.2015

Abstract. The article is devoted to symbolic parties as a typical phenomenon of segmented (fragmented) political cultures. On a material of German political history, the various aspects of this phenomenon are examined by the author, drawing parallels with post-Soviet Russia. Symbolic parties are understood as coalitions around significant political symbols expressing different segments (fragments) of political culture. Following German sociologist M.R. Lepsius, the author describes the social basis of symbolic parties as a "sociomoral environment". It is a complex socio-cultural formation which differs from the other environments (subcultures) through the symbols expressing specific moral frames of political ideologies. In the context of a segmented and fragmented political culture, the sociomoral environments are characterized by "camp mentality" and a tendency to "social secession." In times of deep socio-political crisis, the symbolic parties become an expression of civil war of political symbols rather than a sign of politically diffuse socio-cultural environments. The article indicates the typical characteristics of this war, namely, "savagery" of public political discourse, beastialization of political opponents, social militarism, deficit of monopoly on the legitimate use of symbolic violence, and others. The author considers the sociomoral environments as a subcultural basis of symbolic parties in Imperial Germany; moreover, a comparative classification of symbolic parties in the Weimar Republic and contemporary Russia is proposed in the article. In particular, in Weimar Germany the following symbolic parties are defined: democrats-republicans, imperialists-monarchists, communists-internationalists, and national socialists. In modern Russia, at least three major symbolic parties are identifiable: democrat-westerner, imperial nationalists, and communists-nationalists. Between Weimar Germany and contemporary Russia a substantial similarity is revealed, and this concerns not only a set of symbolic parties, but also the tendency of their interaction: the transition of ideological power from the symbolic party of "democrats" to the one of "imperialists", though in the framework of the same constitutional order. However, in contrast to the ideological situation in Weimar Germany, in the post-Soviet Russia a limited civil-patriotic consensus was formed. Strengthening this consensus involves managing risks of

authoritarian-totalitarian unification of the national political culture. Alternatively, this article refers to the experience of "symbolic balancing" of the ideological extremes of "left" and right "in democratic countries. Moreover, the author discusses the E. Fraenkel's idea of "collective" or "dialectic" democracy which involves competent parliamentarism and interaction of political subcultures on pluralistic basis.

Keywords: symbolic parties; fragmented political culture; sociomoral environments; political subcultures; cold civil war; civil war of symbols; symbolic national consensus; dialectic democracy.

References

Bourdieu P. Sociology of Politics (Russ. ed.: Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki*). Moscow: Socio-Logos. 1993. 336 p.

Dörner A. *Politischer Mythos und symbolische Politik: Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Hermannsmythos*. Opladen: Westdscher Verlag. 1995. 421 S.

Fraenkel E. Deutschland und die westlichen Demokratien: Mit einem Nachw. über Leben u. Werk Ernst Fraenkels (Hrsg. A. Brünneck). Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1991. 399 S.

Habermas J. Democracy. Reason. Morality (Russ. ed.: Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nravstvennost'*. Moscow: Akademiya. 1995. 256 p.)

Hanisch E. Das Fest in einer fragmentierten politischen Kultur: Der österreichische Staatsfeiertag während der Ersten Republik. – *Politische Teilkulturen zwischen Integration und Polarisierung. Zur politischen Kultur in der Weimarer Republik* (Hrsg. D. Lenert, K. Mergele). Opladen: Westdeutscher Verlag. 1990. S. 43-60.

Kailitz S. Die politische Deutungskultur der Bundesrepublik Deutschland im Spiegel des "Historikerstreits". – *Die Gegenwart der Vergangenheit. Der „Historikerstreit" und die deutsche Geschichtspolitik* (Hrsg. S. Kailitz). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2008. S. 14-37.

Krupkin P.L. Praktiki kul'ta predkov v postsovetskoy Rossii [The Practices of Ancestor Worship in Post-Soviet Russia]. – *Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna* [Sociology of Religion in the Late-modern Society]. Belgorod: ID "Belgorod". 2012. P. 166-172. (In Russ.)

Lehnert D., Megerle K. Einleitung der Herausgeber. – *Politische Teilkulturen zwischen Integration und Polarisierung. Zur politischen Kultur in der Weimarer Republik* (Hrsg. D. Lenert, K. Mergele). Opladen: Westdeutscher Verlag. 1990. S. 8-18.

Lehnert D., Megerle K. Identitäts- und Konsensprobleme in einer fragmentierten Gesellschaft – Zur Politischen Kultur in der Weimarer Republik. – *Politische Kultur in Deutschland: Bilanz und Perspektiven der Forschung* (Hrsg. D. Berg-Schlosser, J. Schissler). Opladen: Westdeutscher Verlag. 1987. S. 80-97.

Lepsius M.R. Parteisystem und Sozialstruktur: zum Problem der Demokratisierung der deutschen Gesellschaft. – *Wirtschaft, Geschichte und Wirtschaftsgeschichte* (Hrsg. W. Abel u.a.). Stuttgart: Gustav Fischer Verlag. 1966. S. 371-393.

Link J. *Schönhuber in der Nationalelf: Halbrechts, rechtsaußen oder im Abseits? Die politische Kollektivsymbolik der Bundesrepublik und der Durchbruch der neorassistischen Schönhuber-Partei*. 2., aktualisierte Auflage. Duisburg: Duisburger Institut für Sprach- und Sozialforschung. 1990. 37 S.

Lippmann W. Public Opinion (Russ. ed.: Lippmann W. *Obshchestvennoe mnenie*. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoye mneniye". 2004. 384 p.).

Pain E.A. Sovremennyi russkii natsionalizm v zerkale Runeta [Modern Russian Nationalism in the Mirror of Runet]. – *Rossiya – ne Ukraina: sovremennye aktsenty natsionalizma* [Russia is not Ukraine: the Modern Accents of Nationalism]. Moscow: Tsentr "Sova". 2014. P. 8-31. (In Russ.)

Patrick G. Political Culture. – *Social Science Concepts. A Systematical Analysis* (ed. by G. Sartori). L.: Sage. 1984. P. 265-314.

Rosenhaft E. Gewalt in der Politik: Zum Problem des ‚Sozialen Militarismus'. – *Militär und Militarismus in der Weimarer Republik. Beiträge eines internationalen Symposiums an der Hochschule der Bundeswehr Hamburg am 5. und 6. Mai 1977* (Hrsg. K.-J. Müller, E. Opitz). Düsseldorf: Droste. 1978. S. 237-259.

Speitkamp W. 'Erziehung zur Nation'. Reichskunstwart, Kulturpolitik und Identitätsstiftung im Staat von Weimar. – *Nationales Bewußtsein und kollektive Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit 2.* (Hrsg. H. Berding). Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1994. S. 541-580.